

100
282

Проф. Э. Крепелинь.

УПОИТЕЛЬНОСТЬ СПИРТНЫХЪ НАПИТКОВЪ

КАКЪ
ПРИЧИНА ИХЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

(Психологія алкогольнаго отравленія).

Переводъ О. С. Тутолминой и д-ра Н. Н. Тутолмина.

Типографія П. П. Сойкина, СПБ. Стремянная, 12, собств. д.
1912.

7100
282

Проф. Э. Крепелинъ.

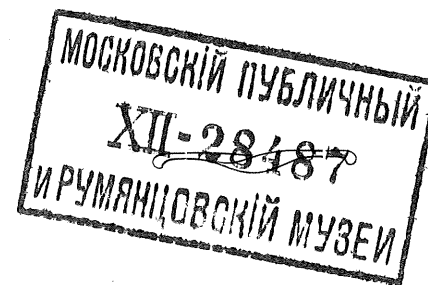
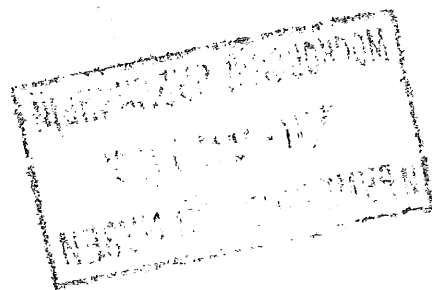
УПОИТЕЛЬНОСТЬ СПИРТНЫХЪ НАПИТКОВЪ

КАКЪ

ПРИЧИНА ИХЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

(Психологія алкогольнаго отравленія).

Переводъ О. С. Тутолминой и д-ра Н. Н. Тутолмина.

Типографія П. П. Сойкина, СПб. Стремянная, 12, собств. д.
1912.

Отъ переводчиковъ.

Этотъ докладъ былъ прочитанъ профессоромъ Крепелинымъ въ юнѣ 1911 г. на конгрессѣ ордена Добрыхъ Храмовниковъ въ Гамбургѣ. Всемирно извѣстный ученый, основатель цѣлой школы психіатровъ, проф. Крепелинъ извѣстенъ примѣненіемъ метода точныхъ изслѣдованій при психологическихъ наблюденіяхъ вообще и при изученіи дѣйствія малыхъ дозъ алкоголя—въ частности. Поэтому, этотъ докладъ представляетъ тѣмъ болѣе интересъ, что является не сводкой различныхъ мнѣній, и даже не просто лекціей хорошаго профессора, но выводомъ изъ многолѣтнихъ личныхъ изслѣдованій автора, одного изъ столповъ современной науки, изложенный имъ самимъ въ общедоступной формѣ. Читая этотъ докладъ, надо помнить, что за каждымъ выводомъ, даже за каждой подробностью, стоитъ цѣлый рядъ точныхъ опытовъ и наблюденій; но не надо также забывать, что общедоступность изложения и ограниченность времени доклада заставляли автора говорить о нѣкоторыхъ вопросахъ, не входя въ подробное ихъ разсмотрѣніе. Въ особенности это относится къ той части доклада, гдѣ говорится о „возбужденіи воли“. Крепелинъ говоритъ о немъ какъ объективный наблюдатель, судящій о вліяніи яда на „возбужденнымъ дѣйствіямъ“ отравленнаго виномъ чловѣка и почти совершенно умалчиваетъ о механизмѣ этого возбужденія. Но это умолчаніе не даетъ права думать, что онъ не согласенъ съ господствующимъ въ наукѣ представленіемъ, что алкогольное возбужденіе сводится къ ослабленію (параличу) задерживающихъ, тормозящихъ центровъ мозга, такъ что правильнѣе его называть *разнузданностью*, а не возбужденіемъ.

Мы позволили себѣ измѣнить оглавленіе доклада, который въ подлинникѣ озаглавленъ буквально такъ: „Психологія алкоголя“. Намъ казалось, что говоря о *психології* бездушнаго вещества, авторъ хотѣлъ объяснить психологически проблему алкоголизма, исходя изъ особенныхъ свойствъ алкоголя, его *своеобразнаго*

вліянія на нашу психику. Самый терминъ „упойтельность“ мы взяли изъ стараго русскаго законодательства, въ которомъ спиртные напитки мѣтко назывались „упойтельными“.

Мы помѣстили на обложкѣ репродукцію знаменитой картины Иорданса „Праздникъ бобоваго короля“, такъ какъ намъ казалось, что это талантливое изображеніе одного изъ питейныхъ обычаевъ *), какъ нельзя лучше иллюстрируетъ описанный въ докладѣ самообманъ, по которому алкогольное отравленіе самимъ пьющимъ кажется упоительнымъ, тогда какъ для посторонняго наблюдателя оно уже отвратительно; такимъ образомъ, картина Иорданса наглядно свидѣтельствуетъ, какая неразрывная связь существуетъ между якобы невинными алкогольными удовольствіями и типичными проявленіями алкоголизма.

О. С. Тутолмина и д-ръ Н. Н. Тутолминъ.

*) Очень древній западноевропейскій обычай:

5-го января запекаютъ бобъ въ пироги, разрѣзаютъ его на куски по числу присутствующихъ и того, въ чьемъ кускѣ окажется бобъ, называютъ королемъ, надѣвая ему на голову бумажную корону.

Бобовый король — законодатель пирушки: всѣ обязаны пить, когда онъ пьетъ, и кричать: „король пьетъ“.

Психологія алкогольнаго отравленія.

Проф. Крепелинъ.

Научное изслѣдованіе дѣйствія алкоголя на здоровье, нравственность и благосостояніе нашего народа раскрываетъ намъ поистинѣ ужасную картину. Мы знаемъ, что алкоголь вызываетъ многочисленные физическія и душевныя болѣзни, сокращаетъ продолжительность жизни, способствуетъ несчастнымъ случаямъ и самоубійствамъ и приносить существенный вредъ зародышу будущаго поколѣнія. Онъ разстраиваетъ семейную жизнь, бываетъ въ большинствѣ случаевъ причиной буйствъ и преступленій, особенно преступленій противъ нравственности, его жертвы часто дѣлаются ворами, нищими и бродягами.

Въ Германіи народъ расходуетъ ежегодно на алкогольные напитки три милліарда марокъ *). Работникъ, отдавая на нихъ значительную часть своего заработка, получаетъ въ обмѣнъ замѣтное уменьшеніе своей трудоспособности, пониженіе достатка, а иногда бѣдность и нищету.

Большинство этихъ фактовъ не новы. Опасности и вредъ, вызываемые алкоголемъ, были краснорѣчиво описаны еще въ библейскія времена. Сознавая ихъ, основатели религій запрещали употребленіе спиртныхъ напитковъ, а государи и правительства издавали предупрежденія съ угрозою наказаніями иногда драконовскими, за невозддержаніе и распутство. Между тѣмъ, мы и нынѣ видимъ, что алкоголь занимаетъ въ общественномъ мнѣніи мѣсто вѣщмъ признаннаго любимца, безъ котораго нельзя себѣ представить ни жизнь въ обществѣ, никакаго праздника, ни дружескихъ отношеній,—

*) Въ Россіи—не менѣе милліарда рублей. *Прим. перев.*

любимца, которого намъ предлагаютъ и навязываютъ, какъ необходимую принадлежность каждой трапезы. Правительства и парламенты ревниво слѣдятъ за развитіемъ винной и пивной промышленности, вслѣдствіе поощряютъ винодѣліе и не смущаясь основываютъ свой бюджетъ на высокихъ пошлинахъ съ алкогольной промышленности. Доктора предписываютъ своимъ больнымъ «укрѣпляющія» вина. Поэты восторженными строфами воспѣваютъ даръ Бахуса—благородный виноградный сокъ. Наша учащаяся молодежь, поглощая, какъ это непреложно принято, возможно большее количество алкоголя—оцѣниваетъ этимъ, весело ли протекаетъ жизнь.

Отвратительныя и унизітельные проявленія пьянства, даже при воспомнаніи о нихъ, такъ же, какъ и на картинкахъ юмористическихъ листовъ, кажутся намъ скорѣе чѣмъ-то забавнымъ, чѣмъ отвратительнымъ.

Громадное противорѣчіе, которое обнаруживается въ этихъ повседневныхъ наблюденіяхъ, кажется сначала совершенно необъяснимымъ, а между тѣмъ, оно имѣетъ свои опредѣленные причины, которыя надо искать въ *особенномъ вліяніи алкоголя на психическую жизнь человека*.

Съ одной стороны, этотъ ядъ имѣетъ свойство вредить пьющему самымъ чувствительнымъ образомъ, съ другой,—онъ настолько его обманываетъ, что вызываетъ въ немъ непреложное убѣжденіе въ его чудныхъ качествахъ, пользѣ и необходимости употребленія.

Такъ какъ при помощи психологическаго эксперимента можно подробно прослѣдить дѣйствіе алкоголя на нашу психическую жизнь, то мы и намѣреваемся показать, *какимъ образомъ этотъ ядъ можетъ такъ страшно обманывать цѣлыя народы*.

Разсмотримъ сначала дѣйствіе разовыхъ дозъ алкоголя (такъ наз. острое отравленіе), которое мы слишкомъ часто можемъ наблюдать при опьяненіи.

Здѣсь мы видимъ, что алкоголь занимаетъ совершенно особенное мѣсто между всѣми ядовитыми веществами, которыя вліяютъ на нашу психику, хотя онъ и имѣетъ аналогію съ нѣкоторыми изъ нихъ. Больше всего онъ подходитъ къ парaldeгиду, эфиру и хлороформу. Какъ извѣстно, въ Ирландіи и въ восточной Пруссіи употребляютъ эфиръ, чтобы вызвать опьяненіе. Что ха-

рактеризуетъ все эти яды? Это то, что они затрудняютъ воспріятіе и мышленіе, а съ другой стороны, возбуждаютъ волю, которая при средней и сильной дозѣ, скоро также парализуется до полной неспособности дѣйствовать.

Въ случаяхъ отравленія парaldeгидомъ, хлороформомъ и эфиромъ возбужденіе воли скоропроходящее, а помраченіе сознанія очень сильное. Алкоголь же имѣетъ роковое свойство—слабѣе чѣмъ другія наркотическія средства дѣйствовать на воспріятіе и мышленіе, а волю возбуждать сильнѣе и дольше.

Отъ этого происходитъ, что пьяный человекъ можетъ впродолженіе болѣе длиннаго періода болѣе или менѣе связно мыслить и дѣйствовать, тогда какъ послѣ хлороформа и эфира наступаетъ скоро сильная и глубокая дремота, подобная сну, какой бываетъ лишь въ послѣдней стадіи опьяненія.

Вотъ это-то затрудненіе мыслить и воспринимать, которое причиняетъ алкоголь, объясняетъ намъ его пагубное вліяніе на всякую умственную работу, отвращеніе къ серьезнымъ занятіямъ, потребность развлеченій, неспособность пьянаго человека слѣдить за трудными объясненіями, пошлость его мыслей и неспособность понимать то, что дѣлается кругомъ.

Отрывочный и неопредѣленный характеръ воспомнаній пьянаго человека также объясняется отчасти неточнымъ воспріятіемъ и дурнымъ умственнымъ усвоеніемъ впечатлѣній.

Во всякомъ случаѣ можно доказать цифрами уменьшеніе вниманія подъ вліяніемъ алкоголя и въ особенности искаженіе воспомнаній неточно воспринятыми побочными обстоятельствами.

Но важнѣе всего то, что *пьяный человекъ совсѣмъ не отдаетъ себѣ отчета, или по крайней мѣрѣ очень слабо, во всѣхъ этихъ воздѣйствіяхъ на него спиртных напитковъ*. Даже и тогда, когда невмѣняемость его очевидна постороннему наблюдателю,—ему самому кажется, что онъ совершенно трезвъ. Иногда даже онъ чувствуетъ себя особенно проникательнымъ и остроумнымъ, хотя повторяетъ только общія мѣста и уже совершенно неспособенъ рѣшать какой-нибудь сложный вопросъ.

Этотъ характерный самообманъ повліяетъ даже на научныя описанія опьяненія: долгое время приписывали алкоголю роль умствен-

наго возбудителя или свойство облегчать мышление, пока точные опыты, неопровержимо не доказали противоположного.

Причину неспособности опьянёвшаго наблюдать за собою надо искать во второмъ воздѣйствіи алкоголя, въ возбужденіи воли. Подъ его вліяніемъ, прежде всего, уничтожается чувство усилія, т. е. то чувство, по которому мы судимъ о величинѣ нашей внутренней работы, такъ же какъ и о наружномъ сопротивленіи, которое предстоитъ одолѣть нашей волѣ. *Пьяному же человеку, вслѣдствіе большей развязности его побуждений, кажется, что его мозгъ на рѣдкость хорошо работаетъ и не утомляется.* Къ этому надо прибавить, что въ состояніи опьяненія скоро исчезаетъ само стремленіе къ умственному усилію и вмѣсто разумныхъ разсужденій, мнѣній и заключеній, появляются чисто формальныя ассоціаціи, шаблонныя фразы, произносить которыя алкоголь не только не препятствуетъ, а скорѣе способствуетъ. Мы также имѣемъ основаніе предполагать, что душевное состояніе, присущее выпившему человеку, скрываетъ отъ него чувство усилія и утомленія, подобно тому какъ другія душевныя движенія—радость, надежда, тоска заставляютъ забыть усталость и стимулируютъ, побуждаютъ нашу волю. Во всякомъ случаѣ, можно неизмѣнно наблюдать, что пьяный человекъ, когда надъ нимъ дѣлаются опыты, имѣетъ ясное для него ощущеніе, что онъ быстро рѣшаетъ подлежащія его рѣшенію задачи, между тѣмъ какъ точное измѣреніе указываетъ на ослабленіе воспріятія и мысли. Ему кажется, что онъ сильнѣе, а на самомъ дѣлѣ, возбужденіе воли облегчаетъ стремленіе къ движеніямъ и вызываетъ новый расходъ силъ, не принимая во вниманіе утомленія. Измѣреніе показываетъ, что усиливается *не мускульная сила, но только импульсивность*, и что, въ то же время, движенія оказываются медленными и неуверенными. При примѣненіи болѣе сильной дозы алкоголя и при требованіи усиленной работы, слабость еще скорѣе заступаетъ мѣсто возбужденія.

Въ этихъ основныхъ фактахъ, доказанныхъ продолжительными изслѣдованіями лежитъ ключъ къ психологическому пониманію опьяненія. *Возбужденіе воли и сопровождающее его ощущеніе повышенной работоспособности скрываютъ отъ пья-*

наго человека пониженіе его мозговой дѣятельности, такъ что ему кажется, что онъ чувствуетъ себя свѣжимъ и морально, и физически. Вотъ здѣсь и объясненіе, почему съ незапамятныхъ временъ предписывали алкоголь больнымъ «для подкрѣпленія», а старымъ, чтобы ихъ «оживить».

Къ возбужденію воли послѣ выпивки присоединяется оживленіе и предприимчивость, которыя сопровождаютъ и другія формы волевого возбужденія, напр. отъ выполненія ритмическихъ движеній, послѣ танцевъ, маршировки, катанья на велосипедѣ, но, конечно, въ этихъ послѣднихъ случаяхъ безъ того разстройства сознанія, которое характерно для возбужденія алкоголемъ.

Такимъ образомъ, нарастаетъ *состояніе энтузіазма, восторженности, которое переходитъ въ безмысленную откровенность совершенно пьянаго человека.* Здѣсь, очевидно, и кроется настоящая первопрічина чрезвычайнаго распространенія алкоголя. Всѣ другіе яды производятъ подобное же состояніе духа, но совершенно другой окраски. Только ощущеніе удовольствія отъ опьяненія эфиромъ и кокаиномъ, которыя также сопровождаются волевымъ возбужденіемъ, напоминаютъ алкогольное отравленіе.

Въ противоположность алкоголю, табакъ даетъ курильщику чувство благосостоянія и внутренняго спокойствія, а опій, перенося своего потребителя въ царство фантастическихъ грезъ, сразу причиняетъ расслабленіе воли. Кофе и чай облегчаютъ мозговую дѣятельность и этимъ производятъ ощущеніе удовольствія, но *не возбуждаютъ волевыхъ движеній и желанія дѣйствовать, что мы наблюдаемъ при отравленіи алкоголемъ.* Здѣсь и лежитъ объясненіе, что къ алкоголю прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хочется возбудить ощущеніе удовольствія, позабыть несчастья жизни, однообразіе будничнаго труда. Алкоголь усыпляетъ заботы. Люди пьютъ—когда разсержены, когда печальны; чтобы забыть свое горе или усыпить разочарованіе; вслѣдствіе несчастной любви; когда дѣла идутъ плохо, когда больна жена или есть какія-нибудь другія семейныя непріятности. Такимъ образомъ, несчастье способствуетъ въ значительной мѣрѣ потребленію спиртныхъ напитковъ, хотя очень часто и наоборотъ—алкоголь влечетъ за собой несчастье.

Это дѣйствіе алкоголя бываетъ особенно роковымъ при нѣкоторыхъ формахъ болѣзней, сопровождающихся упадкомъ духа, наталивающимъ на употребленіе алкоголя, ибо способствуетъ возникновенію періодическаго алкоголизма. Такой больной испытываетъ безпокойство, угнетеніе, отъ которыхъ онъ и старается избавиться выпивкой. Это удается ему на мгновеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ втягивается въ привычку потребленія алкоголя, — привычку до извѣстной степени безсознательную и неудержимую. Привычку разсѣивать свое волненіе передъ экзаменомъ, передъ выходомъ на сцену или передъ публичной рѣчью глоткомъ вина нельзя считать невинной еще и потому, что принятый внутрь алкоголь нарушаетъ ясность мыслей.

Съ другой стороны, употребляя алкогольные напитки, рассчитываютъ вызвать иллюзію радости, чтобы придать нѣкоторымъ моментамъ жизни отгѣнокъ чего-то необычнаго. Отсюда употребленіе этого яда въ праздники, — обычай, который мы находимъ и у негровъ Африки, и у мексиканскихъ индѣйцевъ, и у древнихъ германцевъ, и въ современной жизни. Пьяный восторгъ, находящій выходъ въ проявленіяхъ шумной радости, кажется особенно подходящимъ, чтобы оживить праздникъ, чтобы облегчить потоки краснорѣчія и громкіе выкрики пѣсенъ. И даже самыя скромныя празднества обыденной жизни, встрѣча добрыхъ пріятелей, ежедневныя отношенія за столомъ кофейни, хожденіе въ гости звинчиваются алкоголемъ, который развязываетъ языкъ, увеличиваетъ возбудимость и устраняетъ границы приличій. Поэтому въ воскресенье пьютъ больше всего. «Когда цѣлую недѣлю убиваешься на работѣ, можно же себя разрѣшить воскресную порцію пива», говорилъ мнѣ желѣзнодорожный служащій.

Тотъ, кто сумѣлъ освободиться отъ цѣпей алкоголя, смотритъ на этотъ восторгъ, вызванный выпивкой, какъ на профанцію, а не какъ на элементъ усиленія праздничной радости. Онъ знаетъ, что возбуждаемая алкоголемъ общественность остается совершенно поверхностной, если только она не приводитъ къ униженію личности или другимъ непріятностямъ. Отъ пьющаго же человѣка, раба питейныхъ обычаевъ, эти тѣневые стороны алкогольныхъ радостей совершенно ускользаютъ благодаря порождаемой ядомъ иллюзіи. То,

что тотчасъ непріятно поражаетъ трезваго человѣка, пришедшаго въ общество веселыхъ собутыльниковъ — шумъ, гамъ, распушенность, пошлость рѣчей — все это совершенно скрыто отъ самихъ пьющихъ. Напротивъ, они убѣждены что высказываютъ великія и возвышенныя мысли и одушевлены благороднѣйшими чувствами.

Эта иллюзія не только преобладаетъ въ данный моментъ, но распространяется и на послѣдующее время и остается въ памяти съ такою яркостью, что видоизменяетъ дѣйствительную картину происходившаго. Алкоголь оставляетъ послѣ себя въ нашемъ мозгу неполную и часто искаженную въ подробностяхъ картину дѣйствительности. Это явленіе усугубляется той своеобразной восторженностью, которую порождаетъ опьяненіе. Часы, проведенные подъ его вліяніемъ, даже много времени спустя, кажутся чуть ли не событіями въ жизни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они были въ высшей степени банальны; и зачастую болѣе или менѣе непристойныя происшествія сохраняютъ въ нашей памяти юмористическій отгѣнокъ, который мы никогда бы не придали даже гораздо болѣе замѣчательнымъ фактамъ трезвой жизни. Удивительно то, что къ опьяненію опіемъ относятся съ презрѣніемъ, хотя оно имѣетъ несравненно менѣе отвратительный видъ, какъ по своимъ проявленіямъ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ отравленіе алкоголемъ. Когда объ этомъ послѣднемъ говорятъ, какъ о психической болѣзни, то большинство людей принимаютъ это за шутку, тогда какъ при всякомъ другомъ отравленіи, которое въ равной мѣрѣ разстроило бы психическую жизнь человѣка, разстройство будетъ всѣмъ и каждымъ признаваться.

Культурные люди, получившіе академическое образованіе, дающіе тонъ общественному мнѣнію, но не отказавшіеся отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, должны сдѣлать значительное успіе, чтобы имѣть правильное сужденіе о лицахъ, отравляющихъ себя алкоголемъ. Въ глазахъ стараго студента, напр., питейныя привычки окружены романтическимъ ореоломъ безудержнаго наслажденія и радостнаго избытка силъ его молодости. Онъ служитъ ему символомъ прежняго веселья, которое онъ съ такимъ удовольствіемъ вспоминаетъ въ дружеской бесѣдѣ со старыми пріятелями. Противники алкоголя ему кажутся лицемѣрами, аскетами, отрицателями жизни и

всего, что по его воспоминаніямъ есть необходимая принадлежность добраго стараго времени, и что такъ скрашивало однообразіе жизни; и онъ не можетъ удержаться, чтобы не разразиться укорами по поводу ихъ неумѣстныхъ нравоученій. Демонъ алкоголя, котораго они описываютъ такими мрачными красками, очень рѣзко отличается отъ того, который рисуется *его* воображенію! Для человѣка, умѣющаго разсуждать, нѣтъ болѣе трагическаго недоразумѣнія, какъ это полное непониманіе даже высокоразвитыми духовно людьми, сути антиалкогольнаго движенія, которое несетъ здоровье и счастье и не отрицаетъ, а утверждаетъ жизнь въ лучшемъ значеніи этого слова. И только силою алкогольной иллюзіи можно объяснить, что люди доходятъ до того, что чистому энтузіазму молодости предпочитаютъ искусственное возбужденіе наркотическимъ ядомъ.

Только послѣдствіемъ алкогольнаго возбужденія на воспоминанія можно объяснить энтузіазмъ поэтовъ по отношенію къ Бахусу, къ «благородному соку ячменя», къ «прославленію пьянства, которое долженъ испытать всякій порядочный человѣкъ». Здѣсь объясненіе также шуточной снисходительности къ унижительнымъ и отвратительнымъ жестамъ и дѣйствіямъ пьяныхъ, и того удовольствія, съ которымъ слушается разсказъ о «хорошей выпивкѣ», или съ которымъ воспоминается попойка со всеми ея грубостями и глупостями. По той же причинѣ громадное большинство нашихъ современниковъ смотритъ на трезвость, какъ на жертву, которую можно оправдать лишь въ случаяхъ крайней необходимости, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это лишь оставленіе преступной слабости. Словомъ, *большая часть того одобренія, которымъ алкоголь пользуется въ общественномъ мнѣніи, происходитъ, прежде всего, отъ неправильности въ отправленіи памяти, искажающей на долгій срокъ наше сужденіе, и отъ того преходящаго восторженнаго состоянія, которое въ глазахъ выпившаго (даже когда онъ уже протрезвѣлъ) превращаетъ его личное опьяненіе въ нечто хорошее, несмотря на то, что къ опьяненію другихъ онъ относится съ отвращеніемъ.*

Алкогольная веселость, которая во время опьяненія и послѣ него застилаетъ передъ нами весь ущербъ, причиняемый нашей

интеллектуальной и нравственной личности, дѣлаетъ то, что каждый считаетъ *свои* питьейныя привычки невинными и забавными. Онъ ему дороги, такъ какъ онъ замѣчаетъ лишь пріятную ихъ сторону и вълѣдствіе *специфическаго алкогольнаго искаженія памяти* никогда не отдаетъ себѣ вполнѣ отчета о томъ состояніи, до какого его доводитъ алкоголь. Ибо, какъ показали точные опыты, для этого надо, чтобы прошелъ значительный промежутокъ времени полнаго воздержанія, безъ чего алкогольное возбужденіе, постоянно возобновляемое, слишкомъ затемняетъ сужденіе. Дѣйствительно, человѣкъ, возмущающійся пьянствомъ и искренно сожалеющій его несчастныхъ жертвъ, никакъ не можетъ понять, что то радостное возбужденіе, ради котораго онъ пьетъ свой стаканъ вина въ пріятной компаніи, есть уже первая ступень отвратительнаго ему самому пьянства, и что удовольствіе, которое онъ себѣ разрѣшаетъ—поддерживаетъ и поощряетъ питьейные обычаи.

Только иллюзіей, сопровождающей алкогольное опьяненіе, можно объяснить тотъ невѣроятный фактъ, что наилучшимъ образомъ настроенные люди, которые искренно желали бы искоренить все несчастія, причиняемые алкоголемъ, не могутъ рѣшиться для себя лично на полное воздержаніе и тѣмъ лишить себя возможности хоть иногда сдѣлать для себя исключеніе. Въ другихъ случаяхъ такое противорѣчіе между логикой и поведеніемъ, имъ было бы невыносимо и они рѣшились бы на всякія жертвы, лишь бы восторжествовали ихъ идеи. Но въ данномъ случаѣ, они такъ поработаны искаженной идеей объ алкоголѣ—источникѣ радости, что ихъ умъ и воля безсознательно склоняются передъ дорогими для нихъ предразсудкомъ. Для объясненія этого противорѣчія приходятъ на помощь, обыкновенно, общія фразы объ антипатіи къ преувеличеніямъ, о нежеланіи ограничивать личную свободу и т. п.

Убѣжденіе въ томъ, что искрящееся вино и пѣнящееся пиво необходимы и необходимы, часто такъ глубоко проникаетъ въ сердце друзей алкоголя, что они уже не могутъ встать на противоположную точку зрѣнія и называютъ трезвенниковъ лицемерами, людьми пьющими потихоньку, и что при этомъ надо-де удивляться количеству спирта поглощаемому ими въ напиткахъ, яко-бы замѣняющихъ алкогольные.

Ихъ мнѣніе, которое они постоянно повторяютъ, что въ маленькихъ дозахъ алкоголь не приноситъ никакого вреда, есть именно слѣдствіе этого образа мыслей. Съ другой стороны, принимая во вниманіе, вредъ и разореніе, приносимые алкоголемъ, а также и то что можно совершенно обойтись безъ него, они понимаютъ, что *польза* отъ него, должна бы быть несомнѣнно огромной, чтобы употребленіе его, какъ народнаго напитка, имѣло смыслъ. Поэтому они всегда выдвигаютъ также и ту точку зрѣнія, что алкоголь имѣетъ питательную роль — «жидкаго хлѣба», и потому же наконецъ, желая оправдать собственное злоупотребленіе, прибѣгаютъ къ такимъ дѣтскимъ уверткамъ, какъ указаніе на то, что трезвенникъ въ свѣжемъ хлѣбѣ, тоже поглощаетъ алкоголь, хотя и въ крошечныхъ дозахъ.

Между тѣмъ, надо сказать, что на ряду съ безшабашнымъ весельемъ во время опьяненія проявляются и другія послѣдствія отравленія алкоголемъ.

О частыхъ выпивкахъ гнѣва мы не будемъ говорить.

Человѣкъ въ состояніи опьяненія, хотя и временами, но чувствуетъ, что его нормальное «я» находится подъ властью алкоголя. Въ особенности, въ послѣднемъ періодѣ опьяненія, когда вмѣсто возбужденія воли, является полное ослабленіе, пьяный вдругъ начинаетъ сознавать свое безсиліе; побѣдоносное настроеніе превращается въ слабосиліе, маразмъ и онъ начинаетъ себя жестоко упрекать. Съ другой стороны — человѣкъ навеселѣ больше всего негодуетъ, когда ему говорятъ, что онъ не совсѣмъ трезвъ и что это уже замѣтно. Это его самое чувствительное мѣсто.

Непріятное ощущеніе, которое насъ ожидаетъ совсѣмъ въ глубинѣ нашей совѣсти и которое есть слѣдствіе ощущенія нашей зависимости отъ яда, даетъ совершенно специальную окраску какъ воспоминаніямъ о бывшемъ опьяненіи, такъ и вообще мыслямъ и взглядамъ, относящимся къ употребленію алкоголя. То, что дѣлалось въ состояніи опьяненія, нельзя вспоминать съ такимъ же безусловнымъ удовольствіемъ, съ какимъ мы вспоминаемъ, напримѣръ, о горной экскурсіи или о созерцаніи произведеній искусства. Легкая тѣнь, неясное чувство униженія всегда примѣшивается къ воспоминаніямъ алкоголика, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ алкогольное возбужденіе придаетъ

особый юмористическій отпечатокъ. Въ этомъ юморѣ также два противоположныя чувства: унижительное сознаніе человѣческой слабости и примиреніе человѣка съ этой слабостью посредствомъ пропіи: въ опьяненіи, среди самой сильной экзальтаціи, вдругъ является напоминаніе о собственной слабости и, вмѣсто того, чтобы возбудить стыдъ и досаду, униженіе, произведенное ядомъ, подаетъ только поводъ къ пропіическимъ разсужденіямъ...

Всегда непріятно сознавать, что находишься подъ властью алкоголя, даже тому, кто старается какими нибудь забавными замѣчаніями это затушевать. Я часто слыхалъ самыя курьезныя объясненія по этому поводу. Одинъ думаетъ, что онъ опьянѣлъ отъ того, что ему прибавили водки или перцу въ пиво. Другой объясняетъ свое опьяненіе тѣмъ, что слишкомъ много курилъ или съѣлъ что нибудь вредное. Но никогда никто изъ нихъ не подумаетъ объяснить свое опьяненіе тѣмъ, что оно вызвано именно излишнимъ употребленіемъ алкоголя.

Желаніе избѣжать власти яда объясняетъ любопытный фактъ, который не имѣетъ мѣста въ другихъ случаяхъ, а именно, что способность сопротивленія вину оцѣнивается очень высоко.

Хотя пьющіе усердно стараются повліять алкоголемъ на свое психическое состояніе, тѣмъ не менѣе они всегда гордятся, если остаются трезвыми, несмотря на значительное количество выпитаго вина: вотъ дескать сколько можно выдержать!

Развѣ не внушается молодому офицеру или студенту необходимость научиться пить и притомъ такъ, чтобы не напиваться?

Безмысленность такого требованія тотчасъ же обнаруживается, если его примѣнить къ однороднымъ ядамъ, какъ-то: морфію, кокаину, гашишу.

Это видимое противорѣчіе, по которому помогаютъ подвергнуться вліянію алкоголя и вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ его избѣжать, ясно указываетъ на два душевныя состоянія, которыя волнуютъ пьянаго человѣка: шумная торжествующая радость и непріятное сознаніе, что онъ жертва вѣроломнаго яда: *Хотѣлось бы пользоваться однимъ и не знать другого, а это совершенно невозможно, такъ какъ съ алкогольнымъ весельемъ уже началось и умственное ослабленіе.*

Укоры совѣсти, сопровождающіе состояніе опьяненія, проявляются еще въ томъ фактѣ, хорошо извѣстномъ всѣмъ трезвенникамъ, что вездѣ, гдѣ между пьющими окажется одинъ непьющій,—всѣ стараются его увѣрить, что они «обыкновенно ничего не пьютъ» или только за ѣдою или въ экстренныхъ случаяхъ.

Трезвенникъ, помимо своей воли, является нѣмымъ упрекомъ для пьющихъ, чѣмъ и вызываетъ ихъ извиненія. Нерѣдко пьющіе стараются всевозможными способами заставить непьющего выпить, они дружески уговариваютъ его, пьютъ за его здоровье, а то просто поднимаютъ на смѣхъ.

Во всякомъ случаѣ, трезвенникъ вызываетъ нѣкоторое беспокойство между пьющими и они неминуемо вовлекаютъ его въ разговоръ объ алкоголѣ, даже противъ его воли. Такъ какъ ничего подобного не бываетъ относительно, напр. пищи, гдѣ отказъ гостя проходить незамѣченнымъ,—то надо искать причину этого явленія въ особой только что описанной психологіи алкогольнаго отравленія. Мнѣ кажется, что это нельзя иначе объяснить, какъ тѣмъ, что и у алкогольнаго веселья есть свое узвимое мѣсто.

Поэтому, примѣръ воздержанія на любителей выпить производить непріятное впечатлѣніе, дѣйствіе котораго стараются или ослабить, или совсѣмъ уничтожить.

«Кто не пьетъ—не можетъ находиться на постройкѣ»—увѣрялъ меня каменщикъ, — «его никто не любитъ, никто съ нимъ не разговариваетъ и про него всѣ говорятъ, что это скряга». «Всѣ пьютъ, а потому непьющій работникъ долженъ уйти съ работы», объявилъ мнѣ поденщикъ; если кто-нибудь закусываетъ и ѣстъ хлѣбъ, не запивая пивомъ, про него говорятъ: «это, вѣроятно, нищій».

Чѣмъ чаще кто-нибудь прибѣгаетъ къ алкоголю, тѣмъ враждебнѣе онъ становится къ тому, кто отказывается отъ него, и не потому, чтобы онъ желалъ доставить и другому такое же удовольствіе, какое испытываетъ самъ, но потому, что въ непьющемъ онъ видитъ нѣмой упрекъ своему собственному пороку.

Можно безошибочно сказать, что часть ненависти, изливаемой на «фанатиковъ-трезвенниковъ», происходитъ оттого, —если она только не касается денежнаго расчета,—что потревоженная совѣсть мѣшаетъ пьющему испытывать полное удовольствіе отъ вина.

Удовольствіе вызванное виномъ находится въ тѣсной связи съ возбужденіемъ воли, или, иначе говоря, желаніемъ дѣятельности; этимъ и объясняется вліяніе алкоголизма на общительность. Курильщикъ опиума уединяется, чтобы безъ помѣхи погрузиться въ мечты. Пьяница, наоборотъ, всегда стремится быть въ обществѣ. Онъ заговариваетъ съ первымъ встрѣчнымъ, угощаетъ его виномъ, устраиваетъ попойки. Основная разница между дѣйствіемъ опиума и алкоголя та, что отъ послѣдняго человѣкъ дѣлается болтливымъ и откровеннымъ. Возбужденіе воли проявляется уже съ первымъ стаканомъ. Разговоръ оживляется, начинаютъ говорить громче, не стѣсняясь прямо высказываютъ, что у кого на душѣ. Затѣмъ начинаются споры, затягиваютъ пѣсню, и въ концѣ концовъ поднимается просто крикъ и ревъ.

Пьяному необходимо общество, чтобы удовлетворить свою потребность въ разговорѣ, и притомъ такое общество, которое вмѣстѣ съ нимъ постепенно возбуждалось бы, то есть было бы тоже под вліяніемъ алкоголя. Не даромъ называютъ нѣкоторые сорта пива «возбудителями» и «агитаторами».

Понятно также, что въ нѣкоторыхъ низкопробныхъ трактирахъ держать служанокъ, которыя своимъ свободнымъ обращеніемъ увлекаютъ посѣтителей и обязаны своимъ примѣромъ поощрять ихъ побольше выпить алкоголя. «Трактирный слуга долженъ часто подсаживаться къ пьющимъ, чтобы не обидѣть гостей и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить выгоду хозяину».

Пьющій не любитъ, чтобы кто-нибудь изъ его товарищей отказывался съ нимъ выпить, былъ трезвъ и спокоенъ и этимъ мѣшалъ бы развернуться его собственному возбужденію. Въ этомъ случаѣ онъ старается втянуть окружающихъ принять участіе въ компаніи, прибѣгая, гдѣ къ угрозамъ, а гдѣ, къ немѣлющей границѣ, щедрости.

Всякое возбужденіе увеличивается, когда оно находитъ отголосокъ, какъ мы это видимъ въ мятежахъ, панникахъ и народныхъ праздникахъ.

Примѣръ другихъ, которые дѣлаютъ то же, что и мы,—поощряетъ насъ, поэтому и алкогольное возбужденіе поддерживается собраніемъ людей, воодушевленныхъ одними и тѣми же намѣреніями выпить.

Легко можно замѣтить, что такая взаимная поддержка, проявляющаяся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, лежитъ въ основаніи всякой попойки.

Этому способствуетъ и музыка, которая своимъ ритмомъ вызываетъ желаніе отбивать тактъ и подпѣвать;—способствуютъ и рѣчи, вызывающія бурю восторговъ, а главнымъ образомъ—пзвѣстные правила «какъ» пить, вслѣдствіе которыхъ никто не отстаеетъ въ смыслѣ алкогольнаго возбужденія. И вотъ, когда мозгъ и совѣсть уже болѣе или менѣе затуманены, — различные способы возбуждать волю уже могутъ быть болѣе грубыми, чѣмъ ранѣе; такіе способы, какъ напр., артистическія представленія, — способы благородные — теряютъ свою силу, такъ какъ пьяный уже не способенъ къ тому умственному труду, котораго они требуютъ для своей оцѣнки. Если возбужденіе продолжается, — оно можетъ перейти всякія границы и дойти до самаго опаснаго предѣла — утомительства. Во всякой попойкѣ настаетъ минута, когда порядокъ, и безъ того трудно поддерживаемый, дѣлается невозможнымъ. Этотъ моментъ обыкновенно отмѣчается заявленіемъ, что теперь—официальная часть пира окончена. Съ алкоголя снимается всякая узда и начинаются громкіе споры, крики, адскій шумъ, является желаніе ссориться или произвести какое-нибудь насилие, и это желаніе, смотря по уровню культурности нравовъ, разрѣшается или дуэлью, драмой, или сопротивленіемъ властямъ, или убійствомъ. Затемненіе сознанія, отнимающее у пьянаго истинное представление о происходящемъ, также какъ и о предстоящихъ послѣдствіяхъ того, что онъ дѣлаетъ,—способствуютъ печальному концу событія.

Увеличеніе алкогольнаго возбужденія взаимнымъ поощреніемъ пьющихъ и его близкое соотношеніе съ общественной жизнью объясняютъ намъ важное для алкоголизма значеніе примѣра. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ отношеніи къ другимъ средствамъ наслажденія. Состояніе полной распушенности, въ которую впадаетъ участникъ попойки, дѣлаетъ его доступнымъ всякому возбужденію. Здѣсь то и начинается алкогольное благодудіе (*Gemütlichkeit*) и безграничная воспримчивость къ словамъ, жестамъ и дѣйствіямъ товарищей. У нихъ тогда: «одно сердце, одна душа», такъ какъ каждый

съ радостью исполняетъ волевое проявленіе другого. Отрѣшеніе отъ всякой сдержанности, ограждающей личность, особенно цѣнится, какъ способъ сближенія постороннихъ людей между собою. Можно было бы, конечно, радоваться такому явленію, если бы здѣсь не присоединялась еще большая поверхностность личныхъ отношеній, а главное, если бы въ скоромъ времени это положеніе не грозило бы измѣниться въ обратную сторону, въ сторону неприятныхъ осложненій. Когда человѣкъ навеселѣтъ, — предложеніе выпить на него особенно дѣйствуетъ, и тогда совѣсть его легко усыпляется; такого человѣка можно удержать въ компаніи какимъ-нибудь словомъ, беззаботнымъ или насмѣшливымъ замѣчаніемъ, или просто приказаніемъ подать новую бутылку.

Вотъ поэтому, именно, трезвый человѣкъ, на котораго все эти уговоры не подѣйствуютъ, является какъ бы не на своемъ мѣстѣ среди общества пьющихъ. Онъ нарушаетъ неприятнымъ образомъ «воспламеняемость» среды, и тогда стараются какъ можно скорѣе поработить его алкогольнымъ радушіемъ.

Нерѣдко бываетъ, что случайно брошенная мысль или предложеніе легко вызываетъ шумный восторгъ между пьющими и увлекаетъ ихъ на необдуманныя дѣйствія, хотя бы при ближайшемъ разсмотрѣніи эта мысль или предложеніе оказались бы ребяческими или опасными. Всякія душевныя движенія у пьяныхъ проявляются чрезмѣрными дѣйствіями. Воля пьянаго человѣка поддается всякому соблазну, какой бы онъ ни былъ. То, что онъ былъ бы неспособенъ сдѣлать въ трезвомъ видѣ, онъ рѣшается сдѣлать, когда онъ пьянъ. Поэтому часто бываетъ, что пьяница пьетъ для подбадриванія себя, когда ему хочется что-нибудь сдѣлать такое, что противно его совѣсти. Обычай заключать разныя дѣла съ выпивкою вытекаетъ изъ того же побужденія: каждая сторона рассчитываетъ усыпить осторожность другой и выгодно устроить свое дѣло. Особенно опасной является эта безвольная податливость соблазну еще тѣмъ, что въ это время развивается половое раздраженіе. Тысячи и тысячи людей оплакиваютъ не только потерю своей нравственной чистоты, но и потерю здоровья, такъ какъ они уже не могли совладать съ половымъ инстинктомъ, разнузданнымъ дѣйствіемъ алкогольнаго яда.

Параличъ воли быстро и неизмѣнно смѣняетъ первоначальное

возбужденіе. И это происходит тѣмъ быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ больше было выпито алкоголя. Очень вѣроятно, что это явленіе ослабленія воли можетъ быть на время совершенно или частью превозойдено употребленіемъ новыхъ возбуждающихъ дозъ алкоголя. Съ этой точки зрѣнія приходится смотрѣть на попойку, какъ на попытку пьющихъ сопротивляться ослабленію своей воли и поглощать съ этою цѣлью новыя количества алкоголя или прибѣгать къ другимъ средствамъ, которыя бы способствовали возбужденію воли. Здѣсь лежитъ объясненіе того, почему они стремятся поглощать такія значительныя количества алкоголя.

И дѣйствительно, въ такомъ случаѣ,—мы имѣемъ передъ собою смѣсь ослабленія воли и возбужденіе ея. По крику, реву, шуму и внезапнымъ вспышкамъ гнѣва легко узнать, что воля еще проявляется, между тѣмъ языкъ уже началъ заплетаться, походка стала шатающейся, а движенія тяжелыми и невѣрными¹⁾. Съ увеличеніемъ количества выпитаго алкоголя, признаки возбужденія воли становятся все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, совершенно исчезаютъ въ послѣднемъ періодѣ опьяненія при полной ослабленности.

Приблизительно такое же явленіе мы находимъ при отравленіи эфиромъ, хлороформомъ и парaldeгидомъ. Здѣсь только первоначальное возбужденіе воли бываетъ слабѣе, а послѣдующее ослабленіе ея выражается гораздо рѣзче, чѣмъ при алкоголѣ.

Надо замѣтить, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ возбужденіе воли алкоголемъ можетъ держаться продолжительное время и быть очень сильнымъ, въ особенности у людей, расположенныхъ къ эпилепсін, петерін и психопатін. Въ то время, какъ при обыкновенномъ опьяненіи, возрастающее разстройство сознанія сопровождается потерей воли, въ этихъ специальныхъ случаяхъ мы видимъ буйное возбужденіе даже тогда, когда сознаніе совершенно помрачено. Такимъ образомъ возникаютъ тѣ тяжелые случаи патологическаго пьянства, которые наводятъ ужасъ на городскихъ и такъ опасны

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ особенно ясно обнаруживается, что авторъ подъ возбужденіемъ воли подразумѣваетъ возбужденныя дѣйствія, какъ это нами указано вначалѣ статьи. Считаю не лишнимъ повторить это, чтобы случайная неясность редакціи другихъ мѣстъ не послужила причиной къ толкованію понятія „возбужденіе воли“, какъ усиленіе или *укрѣпленіе* воли, что было бы, конечно, неправильно. *Прим. перев.*

для окружающихъ. При этомъ, вмѣстѣ съ потерей сознанія и спутанностью мыслей, появляется неудержимое раздраженіе, безграничное бѣшенство и стремленіе уничтожить все попадающее подъ руку. Послѣдующія воспоминанія о совершенныхъ поступкахъ бываютъ очень неясны или совсѣмъ отсутствуютъ.

Психологія остраго опьяненія даетъ намъ возможность понять переменны, происходящія въ психикѣ и хроническаго пьяницы. Совершенно ясно, что послѣднія слагаются, изъ тѣхъ именно разстройствъ, которыя медленно развиваются подъ вліяніемъ повторяющагося однократнаго опьяненія.

Поэтому, у каждаго пьяницы можно ждать, какъ постоянной картины, тѣхъ же явленій, какія мы встрѣчаемъ во время опьяненія: затрудненное воспріятіе и мышленіе, плохая память, душевное состояніе, колеблющееся между торжествомъ побѣдителя и тайной неувѣренностью въ себѣ, смѣсь возбужденія и ослабленія воли. Затрудненіе понимать и думать, можетъ быть мало замѣтно въ обыденной жизни пьющаго. Но эти явленія, какъ и ослабленіе памяти, могутъ быть прочно установлены путемъ научнаго анализа. Впрочемъ, и ежедневный опытъ показываетъ намъ, что пьяницы всегда бываютъ мало наблюдательны и мало способны къ умственной работѣ. Они мало по малу начинаютъ скоро уставать и принуждены часто отдыхать. Работа ихъ всегда бываетъ какъ качествомъ, такъ и количествомъ меньше, чѣмъ у непьющихъ.

Ослабленіе воли играетъ здѣсь важную роль: пьяницы идутъ на работу нехотя, и работа скоро имъ надоѣдаетъ. Имъ не достаетъ умственнаго усердія и усидчивости. Они все болѣе и болѣе теряютъ способность къ созидательной работѣ. Они еще могутъ выполнять обычную рутинную работу, но какъ только приходится имъ приступать къ новой, болѣе трудной задачѣ, они теряются; если съ нихъ требуютъ побольше работы—они отказываются отъ нея. Затрудненіе думать, и вѣдствие этого склонность оставаться въ избитой колеѣ, проявляется въ узкости и однообразіи хода мыслей, въ постоянномъ повтореніи нѣкоторыхъ выраженій, оборотовъ рѣчи, а также въ однообразныхъ привычкахъ, характеризующихъ завсегдатаевъ «завѣтнаго столика».

Такимъ образомъ, совершается алкогольное пониженія и огра-

ниченіе умственнаго горизоннта, пзмельчаніе мысли, утрата высшихъ интересовъ. Всѣмъ извѣстно, какъ низко опускаются талантливые артисты, когда они дѣлаются жертвами алкоголя. Слѣды пзмѣненія въ ихъ залитомъ ядомъ мозгу дѣлаются все болѣе и болѣе замѣтными.

Въ настроеніи алкоголика надо отмѣтить еще, какъ послѣдствіе опьяненій, своего рода тщеславіе. Рѣдкій алкоголикъ не воображаетъ себя мужественнымъ и способнымъ на самыя трудныя дѣла, несмотря на очевидное противорѣчіе съ дѣйствительностью, какъ это бываетъ и у пьянаго человѣка. По его словамъ, онъ самый лучшій и самый любящій отецъ семейства, а на самомъ дѣлѣ онъ мучаетъ жену и дѣтей и пропиваетъ свой заработокъ; онъ хвастаетъ, что работаетъ съ утра до вечера, какъ никто, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ только переходитъ изъ кабака въ кабакъ... Такой субъектъ—не болѣе какъ неспособный къ дѣлу болтунъ. На свое времяпрепровожденіе онъ смотритъ, какъ на вполне оправдываемыя и невинныя удовольствія. Онъ хвастаетъ, что «хорошо» выпилъ. Какъ мужчина и какъ бывшій солдатъ, онъ можетъ позволить себѣ выпить немного вина; это не грѣхъ! Одинъ рабочій, когда его уговаривали бросить пить, отвѣтилъ: «Мнѣ не стерпѣтъ; такой ветеранъ, старый германецъ, какъ я, долженъ выпивать свою порцію пива». Связь этого міровоззрѣнія съ состояніемъ опьяненія тотчасъ обнаруживается, если завести съ пьяницей разговоръ объ его пьяныхъ подвигахъ: по лицу, по выраженію его глазъ можно замѣтить, какъ онъ сіяетъ, и съ какимъ восторгомъ онъ рассказываетъ о лнкерахъ, которые онъ пилъ, и о забавныхъ приключеніяхъ, которыя ему повстрѣчались. Всѣмъ этимъ воспоминаніямъ — придается то же юмористическое освѣщеніе, которымъ прикрываетъ пьяный неприличіе своего поведенія, словъ и дѣйствій.

Есть и еще характерная черта, которая является слѣдствіемъ пьянства — это раздражительность пьяницы. Онъ часто ворчитъ, грубъ; въ особенности вспышки его гнѣва бываютъ страшны противъ жены и дѣтей, часто изъ-за бездѣлицы, пустяка,—и этимъ превращаютъ семейную жизнь въ настоящій адъ. Правда и то, что главную роль здѣсь играетъ острое дѣйствіе алкоголя. Про пьяницу часто говорятъ, что онъ лучшій въ мірѣ человѣкъ, когда трезвъ, но что съ нимъ ничего нельзя подѣлать, когда онъ бываетъ пьянъ.

«Ему нельзя слова сказать, онъ дѣлается совсѣмъ какъ сумасшедшій», говорятъ про него окружающіе. Въ лечебницѣ эти люди часто добросердечны; нельзя и повѣрить, что дома они вели себя, какъ дикари, разрушили всю свою обстановку и избили, если не ранили или не убили, своихъ дѣтей и жену. Повидному, при развитіи алкоголизма возбуждающее дѣйствіе алкоголя увеличивается, а способность сдерживаться все болѣе и болѣе исчезаетъ.

На ряду съ тщеславнымъ самодовольствомъ въ каждомъ пьяницѣ, какъ и въ каждомъ пьяномъ таится сознаніе собственной виновности. У нѣкоторыхъ достаточно нѣсколькихъ дней трезваго состоянія, чтобы это чувство виновности проявилось. «Я пью потому, что я безвольный человѣкъ и не могу достаточно энергично этому противиться», говорилъ мнѣ одинъ механикъ. У другихъ нужны недѣли и даже мѣсяцы для того, чтобы они признали, что ввержены въ несчастіе благодаря пьянству. Но особенно ясно проявляется сознаніе виновности въ бредѣ душевно-больныхъ алкоголиковъ. Имъ кажется, что ихъ упрекаютъ во всевозможныхъ вещахъ, предостерегаютъ противъ водки, устраиваютъ надъ ними судъ, причемъ противъ нихъ ратуютъ ихъ товарищи по профессіи или же трезвенники. Одному больному казалось, что Богъ говоритъ ему, что онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать его Своимъ наслѣдникомъ и съ сожалѣніемъ прибавлялъ: «но ты такъ пьешь!» Очень нерѣдко пьющіе покушаются на самоубійство подъ вліяніемъ внезапнаго отчаянія и страха передъ своей несчастной жизнью. Обычно, конечно, такое настроеніе подавляется и заглушается алкогольнымъ дурманомъ. Надо думать, что грубое и рѣзкое отношеніе къ собственной семьѣ, страданія которой служатъ постояннымъ нѣмымъ укоромъ пьющему, обусловлено именно стремленіемъ отстранить чувство собственной виновности. При такъ часто встрѣчающейся безосновательной ревности пьяницы, на ряду съ другими причинами играетъ несомнѣнно роль смутное ощущеніе неувѣренности въ себѣ и недостойности передъ своей женой. Чтобы не признавать себя самого причиной все растущаго отдаленія отъ семьи, пьющій ищетъ другихъ причинъ, подобно тому, какъ и для своего пьянства, онъ ищетъ извиненія во всевозможныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ.

Въ этихъ многообразныхъ извиненіяхъ пьющаго съ очевидностью проявляется тайное чувство его виновности. Сравнительно рѣдко онъ откровенно выставляетъ истинную причину своего поведенія— стремленіе къ алкогольному веселію. По большей части почти каждый пьющій старается выставить свою склонность, какъ слѣдствіе житейскихъ отношеній, за которыя онъ отвѣчать не можетъ, и тѣмъ ослабить предъявляемые ему со стороны и въ немъ самомъ раздающіеся упреки. Часто виновата мать жена, которая недостаточно ласкова, дурно хозяйничаетъ, бранится и ссорится, или любить другого. Бываютъ и другія злословія, которыя служатъ для пьющаго предлогомъ, чтобы идти въ трактиръ: неблагоприятное положеніе предпріятія, невозможность найти достаточно оплачиваемую работу. Само собою разумѣется, что здѣсь причины и слѣдствія обыкновенно смѣшиваются. Чаше же всего оказывается, что пить принуждаетъ профессія или ремесло; вась увѣряютъ съ самымъ убѣжденнымъ видомъ, про слесарей, булочниковъ, пастуховъ, мельниковъ, наборщиковъ, жестянниковъ, торговцевъ мясомъ, столаровъ, садовниковъ и т. п., что «всѣ» они пьютъ; «студентъ безъ пива не существуетъ» говорилъ одинъ юристъ. Каждый въ отдѣльности доказываетъ, что именно при его дѣятельности выпивка необходима и слѣдовательно не можетъ быть ему поставлена въ вину. Жестянникъ, булочникъ и слесарь пьютъ «изъ-за жары», трактирный слуга потому, что «состоитъ при трактирѣ, самъ пиво продаетъ; выпивка—часть его профессіи». Служитель при покойничкой—потому, что «трупы такъ пахнутъ», живописецъ—ради заказчиковъ, портной—потому, что отъ спѣшанья у него деревянѣтъ поясница. Словомъ общій припѣвъ, что работа слишкомъ тяжела и невозможно ее выполнить безъ выпивки.

Такимъ образомъ свойственная пьяницамъ потребность снять съ себя отвѣтственность за свое поведеніе и выставить себя жертвой обстоятельствъ, ясно показываетъ, что въ глубинѣ ихъ сознанія, несмотря на всю тщеславность, возстаётъ то же непріятное чувство, которое, какъ мы видѣли, проявляется во время страданій отъ остраго опьяненія. Изъ того же источника протекаютъ частыя ссылки на примѣры другихъ: «Другіе тоже пьютъ; другіе пьютъ еще больше»: «и въ лучшемъ положеніи люди напиваются» гово-

рилъ одинъ поденщикъ; «тогда нужно миллионамъ людей сказать, чтобы они не пили». При этомъ собственная неумѣренность рисуется въ очень преуменьшенномъ масштабѣ. «Я выпилъ только, сколько принято»; «я выпилъ-то только одинъ стаканчикъ»; «я былъ разгоряченъ и только для утоленія жажды выпилъ немножко». Пьющій никогда почти не опредѣляетъ откровенно и точно, сколько онъ обыкновенно выпиваетъ спиртныхъ напитковъ; онъ начинаетъ свое сообщеніе различными разъясненіями и извиненіями, говорить, что пьетъ то больше, то меньше, часто совѣмъ ничего не пьетъ и даже, не смотря на нѣкоторое понужденіе, остается въ своихъ обозначеніяхъ далеко ниже дѣйствительности.

Наконецъ, какъ на послѣднее вліяніе алкоголя на душевную жизнь пьющаго (пьянцы), надо указать на *притупленіе высшихъ чувствъ*, каковое мы встрѣтили при разсмотрѣніи остраго опьяненія. Подобно тому какъ *пьяный* дѣлается безпечнымъ, недалекимъ, забываетъ о своемъ долгѣ, пренебрегаетъ требованіями приличія и благопристойности и, наконецъ, даже закономъ и нравственностью, также и *пьющій* все болѣе утрачиваетъ тѣ чувства, которыя регулируютъ наше поведеніе и отношеніе къ окружающимъ и къ обществу. Онъ не обращаетъ болѣе вниманія на свою внѣшность, на форму своихъ сношеній съ окружающими, дѣлается грубъ и вульгаренъ въ своихъ словахъ и поступкахъ, не заботится о своихъ обязанностяхъ, думаетъ только о себѣ и своихъ потребностяхъ, пропиваетъ не только свой заработокъ, но выжимаетъ съ угрозами отъ своей жены послѣднюю копѣйку, продаетъ и закладываетъ ея вещи. Ко всѣмъ просьбамъ и укорамъ, ко всѣмъ правиламъ и штрафамъ, какъ и къ своему неудержимому имущественному и общественному паденію онъ остается совершенно равнодушнымъ. Все значеніе его несчастья также мало имъ сознается, какъ и пьянымъ; лишь послѣ довольно долгаго промежутка полного воздержанія отъ алкоголя, разстройства эти начинаютъ мало по малу выравниваться, и постепенно развивается пониманіе дѣйствительности, также какъ и чувство стыда за свои дѣла и поведеніе.

Тягчайшія разстройства находимъ мы также у пьющаго въ области воли. Пьяное раздраженіе воли ведетъ его къ непостоянству, изъ-за котораго онъ нигдѣ не можетъ ужиться, которое заставляетъ

его перекачивают изъ одного трактира въ другой, съ одного мѣста заработка—на другое. Оттуда же его навязчивая словоохотливость, его склонность къ шумному безчинству и къ наспливанію, которыя проявляются въ особенности подъ непосредственнымъ (острымъ) вліяніемъ алкоголя. Такъ какъ обычно чувствительность къ спиртнымъ напиткамъ все возрастаетъ, то достаточно бываетъ все меньшаго ихъ количества, чтобы привести привычно-пьющаго къ безмѣрному раздраженію и возбудить въ немъ ярость. Его повышенная возбудимость проявляется также и въ томъ, что ее могутъ вызвать даже эфиръ и хлороформъ при попыткахъ усыпленія (наркозизаціи).

Волевое раздраженіе, которое всегда находитъ отголосокъ въ одинаково настроенной душѣ, выражается въ потребности пьющаго къ обществу. Онъ охотно присоединяется къ компаніи, ищетъ во чтобы-то ни стало собутыльниковъ, сообщителенъ до крайности, такъ что въ кругу своихъ сотоварищей рассказываетъ самыя интимныя вещи. Эти черты характера привычно-пьющаго порождаютъ пагубное національное влеченіе нѣмцевъ къ застѣному столу, благодаря которому возникаютъ кружки для общественнаго собутыльничества, и которое, съ другой стороны, отрываетъ мужа отъ семьи и дѣлаетъ его бѣднымъ мыслямъ эгоистомъ, забывающимъ о своихъ обязанностяхъ.

Не смотря на всѣ эти послѣдствія волевого раздраженія алкоголика, все же *наиболѣе характернымъ измѣненіемъ* его является *все возрастающее слабоволіе*. Эта слабость воли, которая при остромъ опьяненіи преобладаетъ во второмъ его періодѣ, все яснѣе дѣлается постояннымъ признакомъ личности алкоголика. Прежде всего она проявляется въ утратѣ работоспособности. Отсюда — тотъ многозначительный фактъ, что каждый пьющій считаетъ свою работу совершенно исключительно тяжелой и утомительной.

Для большаго числа пьющихъ потеря работоспособности, отягченная еще физической хлостью, служитъ постоянной причиной для выпивки. Среди рабочихъ массъ нескороенно убѣжденіе, что исполненіе тяжелой работы безъ алкоголя невозможно, ибо причиняемое имъ преходящее волевое раздраженіе дѣйствуетъ на подобіе шпоръ или кнута, конечно не безъ того, чтобы въ общемъ еще болѣе

ослабить волю. «Безъ пива человекъ не можетъ работать, все равно что лошадь не можетъ бѣжать безъ овса». «При легкой работѣ м. б. и можно обойтись водой, но при нашей тяжелой работѣ это не пройдетъ». «Выпьешь стаканчикъ — и работать веселѣе: работаешь тогда за двоихъ, какъ медвѣдь». Такія и подобныя имъ фразы повторяются на всѣ лады и это убѣжденіе въ необходимости употребленія алкоголя для работы держитъ широкіе слои населенія подъ проклятіемъ, дѣлаетъ ихъ глухими для лучшаго ученія, слѣпыми передъ примѣромъ какъ тѣхъ, которые погибаютъ отъ спиртныхъ напитковъ, такъ и тѣхъ, которые достигаютъ, благодаря полному воздержанію, наивысшей силы и совершенства въ работѣ.

Даже тотъ фактъ, что больше всего пьютъ въ воскресенье, когда ничего не дѣлаютъ, не заставляетъ пьющаго задуматься. Въ воскресенье онъ пьетъ «потому, что есть свободное время»; «не спать же дома цѣлый день»; «надо же пойти въ трактиръ поговорить съ другими рабочими».

Не менѣе роковымъ, чѣмъ потеря работоспособности вслѣдствіе ослабленія воли, нужно считать *причиняемую алкоголемъ утрату сопротивляемости соблазну*. Какъ пьяный поддается всякому предложенію продолжать попойку и забываетъ о всѣхъ своихъ хорошихъ намѣреніяхъ, такъ и трезвый алкоголикъ совершенно не въ состояніи собственной волей воспротивиться искушенію «попробовать». Кто сегодня еще клялся и имѣлъ твердое намѣреніе не касаться больше до рюмки, можетъ быть уже черезъ нѣсколько часовъ сидитъ, пьяный, въ кругу своихъ собутыльниковъ. Достаточно дружескаго предложенія, насмѣшливаго слова, выставленія на столъ любимаго вина, чтобы опрокинуть слабую волю пьющаго и втянуть его въ старое болото. «Угостилъ пріятель, ну я и выпилъ; глупо же не воспользоваться, когда даромъ угощаютъ!»

Подобно тому, какъ напившагося человека можно ничтожнѣйшими предлогами заставить продолжать попойку, также точно и алкоголика легко понудить продолжать свой пьяный образъ жизни, хотя бы цѣною этого было разстройство здоровья, нужда жены и дѣтей, потеря работы и мѣста. «Былъ я вчера въ гостяхъ» рассказываетъ мнѣ одинъ кузнецъ: «только хотѣлъ идти домой — пошелъ

дождь; остался—и проображничали до утра». Одинъ больной выпивалъ ежедневно болѣе 10 бутылокъ пива, потому что у него «не было ничего путнаго, чтобы поѣсть». Пивоваръ пилъ потому, что у него было даровое пиво—не пропадать же ему; а желѣзнодорожный служащій находилъ нужнымъ пить—потому, что иначе, для чего же существовало бы пивовареніе? Истинная причина пьянства—потребность въ алкогольномъ упоеніи—повидимому, не сознается пьющими. Скорѣе они говорятъ еще о томъ что имъ нравится вкусъ спиртныхъ напитковъ или что они пьютъ для утоленія жажды. Они не замѣчаютъ, что сами искусственно ее вызываютъ, и что отвратительный вкусъ алкоголя въ спиртныхъ напиткахъ всячески стараются заглушить другими составными ихъ частями. Въ этомъ смыслѣ можно смѣло говорить о томъ, что алкоголь порождаетъ страсть къ пьянству. Пьющій безъ сопротивленія падаетъ жертвой соблазна, несмотря на всякія разумныя разсужденія и даже не отдавая себѣ яснаго отчета въ истинной причинѣ своего поведенія. Такъ слѣдуетъ онъ за темнымъ стремленіемъ къ возбужденію разслабленныхъ ядомъ силъ своей души, къ искусственному производству жизнерадостности, естественное возникновеніе которой тотъ же алкоголь въ корнѣ уничтожаетъ.

Кто хочетъ побѣдить врага, тотъ долженъ его изучить; кто пытается излечить болѣзнь, долженъ раньше распознать ея сущность. Психологія алкогольнаго отравленія объясняетъ намъ прежде всего быющее въ глаза противорѣчіе между истиннымъ дѣйствіемъ яда и оцѣнкой придаваемой ему ходячимъ мнѣніемъ. Изъ чувства волевого раздраженія и тѣсно съ нимъ связаннаго алкогольнаго воодушевленія происходитъ извѣстный самообманъ пьянаго и отсутствіе проницательности пьющаго, а изъ этихъ обоихъ источниковъ протекаетъ народное воззрѣніе на алкоголь, какъ на очень цѣнное и неизбѣжное средство наслажденія и какъ на носителя силы, причемъ совершенно не принимаются въ расчетъ чинимыя имъ опустошенія. Если бы мы пожелали замѣнить народу алкоголь, то этого сдѣлать нельзя ни подобнымъ ему ядомъ, вроде эфира, хлороформа или кокаина, ни какимъ-нибудь недовитымъ напиткомъ. То, что пьяница ищетъ въ дѣйствительности, онъ не найдетъ этого ни въ какомъ безвредномъ средствѣ. Мы гораздо больше должны думать

о томъ, чтобы доставить ему совсѣмъ другіе пути къ жизнерадостности, возбужденію и воодушевленію, которыя бы не сопровождались бы никакимъ униженіемъ и вредомъ. Недостатка въ такихъ средствахъ нѣтъ; для примѣра назову прогулки пѣшкомъ или на велосипедѣ, всякаго рода физическія упражненія, танцы, игры, музыку, пѣніе и всякаго рода веселія общественныя собранія, конечно, безъ алкоголя.

Второе положеніе, которое мы можемъ вывести изъ нашего изслѣдованія, заключается въ томъ, что психическія измѣненія пьющаго (хроническаго алкоголика) ни что иное, какъ послѣдствія опьяненія. Подъ послѣднимъ нужно подразумѣвать не только наружныя, видимыя проявленія, но все вообще вліянія, которыя алкоголь оказываетъ на душевную жизнь. Характерное состояніе души алкоголика проявляется въ полной мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не замаскировано острымъ (разовымъ) дѣйствіемъ яда. Смотря по сопротивляемости субъекта оно наступаетъ раньше или позднѣе, при большихъ или меньшихъ приемахъ, но всего легче при равномерномъ, т. е. ежедневномъ потребленіи. Потому-то алкоголь, который въ рукахъ врача при скоропреходящемъ примѣненіи можетъ оказаться цѣннымъ лечебнымъ средствомъ,—примѣненный въ качествѣ средства къ наслажденію сдѣлался ужаснѣйшимъ врагомъ чловѣка! Производимыя алкоголемъ длительныя (хроническія) измѣненія проникаютъ такъ незамѣтно и вслѣдствіе продолжающагося самообмана пьющаго такъ скрыты отъ него, что онъ считаетъ свои питьевыя привычки совершенно невинными и можетъ быть уже тяжело больнымъ, совсѣмъ того не подозревая. Поэтому ошибочно бороться только съ пьянствомъ и стараться лечить алкоголиковъ, *нужно объявить войну алкоголю, какъ средству къ наслажденію и ежедневному употребленію такъ какъ послѣдующее злоупотребленіе ядомъ коренится въ самообманѣ, сопровождающемъ уже острое его (однократное) дѣйствіе.* Можемъ ли мы этого достигнуть или нѣтъ, но *цѣль нашей борьбы* должна быть всегда одна и та же, а именно *полное изгнаніе спиртныхъ напитковъ изъ нашего обихода*, иначе—обольщающее разумъ и ослабляющее волю дѣйствіе яда повлечетъ къ гибели прежде отдѣльныя единицы, а потомъ и массы.

Психологія алкогольнаго отравленія даетъ намъ ясное пониманіе той огромной роли, которую играютъ *примѣръ* и *соблазнъ* въ дѣлѣ распространенія спиртныхъ напитковъ. Такъ какъ алкоголь оживляетъ общественныя отношенія, то онъ находитъ въ нихъ наибольшій спросъ; потребность пить возбуждается и усиливается совершенно противоположными вліяніями. *Поэтому обратный примѣръ—воздержанія—сказываетъ такое исключительное дѣйствіе.* Какъ каждый пьющій собираетъ вокругъ себя кружокъ, такъ и всякій аскетъ (трезвенникъ) безъ особаго старанія служитъ исходной точкой противоалкогольнаго теченія, просто тѣмъ, что своимъ примѣромъ онъ ослабляетъ пошлѣйшихъ обычаевъ и будитъ заснувшую здравую о нихъ мысль. Безъ примѣра полного личнаго воздержанія не можетъ быть побѣжденъ народный обычай, возбуждаемый противоположными вліяніями къ тому, чтобы пить. Соединенія трезвенниковъ въ противоалкогольныя общества необходимы потому, что облегчаютъ каждому изъ нихъ борьбу противъ общественнаго мнѣнія.

Не только *примѣръ* служитъ соблазномъ, навязывающимъ алкоголь нашему народу. Вскормленная растущей потребностью въ алкоголь, развилась громадная, цвѣтущая промышленность, которая насильственными вспомогательными средствами достойной удивленія техники производитъ и распространяетъ различнаго рода спиртные напитки. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, благодаря неслыханному распространенію, котораго достигла эта промышленность въ теченіе послѣдняго столѣтія, ущербъ нашего народа достигъ его теперешней ужасающей вѣличины. Это явленіе можно было бы привѣтствовать, если бы оно наконецъ открыло намъ глаза и побудило бы возстать на защиту противъ этого зла. Последнее обусловливается тѣмъ, что безпечное, легкомысленное настроеніе опьяненія и стремленіе удерживать по возможности алкогольное раздраженіе волнъ неизбежно влечетъ къ неумѣренному потребленію, а тѣмъ самымъ и къ повышенному спросу на спиртные напитки. Ту же цѣль алкогольная промышленность съ большей настойчивостью преслѣдуетъ при помощи изыскиванья наиболѣе подходящихъ для продажи напитковъ, доставки ихъ въ самыя отдаленныя захолустья, постройки хорошо и покойно обставленныхъ двор-

цовъ-ресторановъ, доставки дешевыхъ кушаній, привлеченіемъ потребителей музыкой и великолѣпными рекламами. Такимъ образомъ возникаетъ пагубный заколдованный кругъ: *соблазнъ возбуждаетъ потребность въ алкоголь, а повышенный спросъ позволяетъ алкогольной промышленности еще безпощадный и дѣйствительный изоциряться въ искусствѣ соблазна.* Не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что жертвами этого массоваго соблазна падаютъ скорѣе всего тѣ, сопротивляемость которыхъ уже и безъ того ослаблена алкоголемъ. Психологія алкогольнаго отравленія ясно указываетъ, что *борьба съ алкоголизмомъ будетъ безнадежна, если не удастся устранить соблазнъ пить.* Если мы вспомнимъ объ огромной экономической силѣ, которая въ этомъ противопоставитъ нашимъ стараніямъ, употребляя всѣ возможные подкобы, чтобы соблазнительнѣе обставить свое дѣло, то мы имѣли бы полное основаніе усумниться въ возможности освобожденія народа отъ демона-алкоголя, не будь на нашей сторонѣ двухъ непобѣдимыхъ соратниковъ: *безкорыстія нашихъ стремленій и правды.*

